

Юность древней культуры

Четыре года тому назад, в октябре 1951 года, в торжественные дни празднования второй годовщины образования Китайской Народной Республики, оперная труппа показала в Пекине оперу «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай». Большой зал бывшего императорского дворца был заполнен так, что в него трудно было войти.

Еще недавно простой человек, осмелившийся переступить черту «Запретного города» — резиденции императора, — подвергался смертной казни, а сейчас здесь собрался трудящийся люд со всех концов великой китайской земли и для него показывала свой спектакль одна из лучших китайских оперных трупп.

Среди зрителей находились гости, приехавшие в Пекин из Советского Союза, Индии, Кореи, Вьетнама, Болгарии, Польши, Чехословакии и многих других стран мира. Затанув дыхание, следил зал за событиями, развертывавшимися на сцене. Дочь помещика-феодала Чжу Гун-юаня юная и прекрасная Чжу Ин-тай вопреки воле отца добилась осуществления своей мечты, — переодевшись в мужской наряд, отправилась учиться в город Ханчжоу. В пути она встретила благородного юношу Лян Шань-бо и, подружившись вместе с ним три года, горячо полюбила его. Узнав, что Чжу Ин-тай — девушка, а не юноша, Лян Шань-бо ответил ей такой же сильной любовью. Но эта любовь не сулила молодым людям ничего, кроме страданий. Чжу Ин-тай была просватана ее отцом другому, и ничто не смогло сломить волю упрямого Чжу Гун-юаня, хранителя косных и жестоких феодальных обычаев. Не выдержав горя разлуки с любимой девушкой, Лян Шань-бо умирает...

Идет последняя сцена оперы. Закрываются черными тучами небо, засверкали молнии, и загрохотали раскаты грома. Юная Чжу Ин-тай срывает с себя свадебный наряд и бросается в разверзнувшую могилу своего возлюбленного... Вновь светлеет небо, вновь светят яркие лучи солнца. Из могилы вылетают две нежные бабочки. Они радостно порхают и кружатся над вострешенными вокруг могилы цветами. Это души Чжу Ин-тай и Лян Шань-бо. Ничто теперь не разлучит их. Они будут вместе до самого конца своей короткой, но зато свободной жизни...

Гастроли Шаосинской оперы в Москве

На глазах зрителей я вижу слезы. До сердца каждого сидевшего в зале дошла эта поэтичная, трогательная и глубокая по внутреннему смыслу сказка, сложенная безвестным народным поэтом и передававшаяся из поколения в поколение в течение целого тысячелетия...

И вот теперь в Москве с таким же волнением, как и зрители в Пекине, москвичи слушали эту оперу, которую так и хочется назвать «Китайские Ромео и Джульетта». В главных ролях, как и четыре года назад, выступили те же выдающиеся китайские артистки: Фу Цюань-сян (Чжу Ин-тай), Фан Жуй-цзюань (Лян Шань-бо) и Чжан Гуй-фын (Чжу Гун-юань).

Должен сказать, что и тогда, в Пекине, спектакль этот произвел на меня огромное впечатление и своим поэтичным содержанием, и глубокой музыкальностью, и великолепным мастерством исполнения. Но как вырос театр за этот короткий срок! Его талантливые деятели — подлинны повторы. Они умело сочетают богатейшие, многовековые традиции классической оперы с реализмом современного театрального творчества, бережно сохраняя и развивая национальную форму своего искусства. И в этом прежде всего заключена неотразимая сила его воздействия.

Ярчайшим примером успехов театрального искусства нового Китая служат спектакли театра Шаосинской оперы, в который недавно была преобразована та самая труппа, о которой я рассказывал выше. Отчетливо видны эти успехи при сравнении двух виденных мною спектаклей «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай». Музыкальные формы представления стали богаче, оркестр вырос, и соответственно более развитой стала вся музыкальная ткань оперы, укрепилось драматическое мастерство исполнителей, появилось замечательное художественно-декорационное искусство.

Китайский оперный театр, несомненно, одно из интереснейших и сложней-

ших по богатству и разнообразию форм явлений мирового искусства. Некоторые спектакли этого театра по типу своему ближе к драме, одни стоят как бы на полпути между драмой и оперой, другие являются настоящими операми, хотя и отличными от европейского оперного искусства.

Таким подлинно оперным спектаклем является и «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай». Это — глубоко музыкальное произведение с широкими музыкальными формами, с симфоническими эпизодами, играющими большую роль в его драматургии, с развитыми вокальными партиями и далеко не простой оркестровой фактурой. Напомню, что еще несколько лет назад весь «оркестр» в спектакле состоял лишь из китайских флейты и скрипки и ударных инструментов.

Партитура оперы, талантливо выполненная дирижером спектакля Ку Чжен-ся, основана на прекрасных народных мелодиях, то лирически нежных, то радостно танцевальных, то достигающих большой драматической силы. Трудно сказать, что производит большее впечатление в этом спектакле. Хороши в нем и лирические эпизоды, воплощающие сильную и чистую любовь Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай. Глубоко врезаются в память и трагические сцены: эпизод, когда Чжу Ин-тай узнает о смерти возлюбленного (здесь впервые в опере появляются мощные, зловещие удары большого гога), эпизод ссоры Чжу Ин-тай с отцом, когда почти как траурный марш звучит оркестр, предвещающий трагический конец судьбы девушки. Наконец, финальная картина — от пронзительного звучания медных и деревянных духовых инструментов в свадебной процессии до напряженной предсмертной арии-монолог Чжу Ин-тай.

Большое своеобразие придают опере эпизоды, где оркестр замолкает, а исполнители интонируют свой текст так, что невозможно сказать, что это: разговор или пение. В сущности разговор в обычном смысле этого слова в опере отсутствует. Речь исполнителей настолько музыкальна, что трудно уловить, как она возникает из пения и как

новью в него переходит. Очень удачно использован в опере один из традиционных китайских народных музыкальных жанров — пение без оркестра, сопровождаемое лишь постукиванием деревянных палочек. Дирижер Ку Чжен-ся превосходно вел спектакль. Под его управлением оркестр, состоящий из народных инструментов различных видов (включающий также женский хор), и солисты образовали стройный, пластичный и удивительный в своей ритмической организации ансамбль.

В нашей печати уже говорилось о высоком уровне художественного мастерства артистов Шаосинской оперы. Действительно, мастерство китайских оперных актрис не может не вызывать восхищения. Удивительная способность к художественному перевоплощению заставляет забывать о том, что труппа театра состоит из одних женщин, исполняющих и женские, и мужские роли. Здесь в первую очередь надо сказать о талантливейшей артистке Фан Жуй-цзюань, исполняющей роли Лян Шань-бо. Созданный ею образ чистого, благородного и несколько наивного юноши отмечен полнейшей законченностью сценического рисунка, глубокой жизненной правдивостью. Замечательно проводит трудную роль своенравного, черствого старика одна из ведущих артисток театра — Чжан Гуй-фын. Глядя на ее выразительную игру, вслушиваясь в характерные интонации ее голоса, трудно представить себе, что исполнительница только что выступала перед нами в столь же убедительно сыгранной роли госпожи Цуй в опере «Пролитая чаша».

Неотразимое впечатление силой своего драматического таланта производит в роли Чжу Ин-тай артистка Фу Цюань-сян. Хороша она и в лирических сценах, но с наибольшей полнотой раскрывается ее сценический и музыкальный талант в сценах драматического и трагического характера. Ее предсмертный монолог — подлинная вершина исполнения. Созданный ею образ — воплощение мужества, смелости и великой любви юной девушки.

Высокой оценки заслуживают и исполнители других ролей. Полна большой человечности, доброты и отзывчивости жена учителя в исполнении Цзинь Янь-фан. Трогательны в своей непосредственности, почти детской наивности и заразной веселости артистки Лоу

Сяо-пэй и Сяо Чун-фан, исполняющие роли служанок. Особенно хороша Лоу Сяо-пэй. Достоинство посмотреть на нее в сцене, когда она подносит угощение Чжу Ин-тай и Лян Шань-бо и нежным, сочувственным взглядом всматривается по очереди в глаза каждого из горячо любимых ею молодых людей, чтобы понять, какими большими способностями обладает эта молодая актриса.

Говоря о драматическом мастерстве артистов Шаосинской оперы, я, разумеется, имею в виду, что глубокое и поэтичное содержание оперы выражено ими прежде всего в музыке и через музыку. Покоряет свобода, с которой артисты исполняют свои вокально-драматические партии: ни одного нарушения интонационной чистоты, ни одного отступления от чрезвычайно сложных заставленных ритмов, ни одного взгляда на дирижера! Их пение производит впечатление такой же естественной формы выражения мыслей и чувств, как и простая речь. И не потому ли так трудно провести в китайской опере резкую грань между пением и речью? Выразительность интонации и красота своеобразной манеры пения свойственны в равной мере всем артистам, выступившим перед москвичами.

Оценка представления «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай» была бы неполной, если не сказать о режиссуре театра Хуан Ша, чьему искусству обязан спектакль своей целостностью, стройностью и глубокой реалистической выразительностью. Небольшая роль принадлежит здесь и балетмейстеру Сюэ Цуан-кан.

Невозможно не сказать и о художественно-декорационной стороне спектакля, придающей ему большую прелесть и красоту. Костюмы и декорации (художники Син Си, Су Ши-фын и Хуан Цзы-си), так же как и в «Пролитой чаше», подлинное искусство высокого мастерства, прекрасного вкуса и неповторимого национального своеобразия.

Советские зрители — благодарные, требовательные и строгие зрители. Горячие овации, которыми они наградили участников спектакля, были выражением глубокой и искренней благодарности китайскому театру за ту подлинную художественную радость, которую он принес нам своим увлекательным и высоким искусством.

Дм. КАБАЛЕВСКИЙ.

ПРАВДА
т. Москва